

Десятки горнов протрубили о том, что лучший воин Санкри-Борум готов к поединку. Дейан уже шёл навстречу мужчине, одетому в серую мантию с красными оторочками на рукавах и подоле. Странник накинул на себя свой грязный плащ, прицепив к поясу сбоку небольшой мешочек на коротком шнурке. В левой руке он держал свою саблю прямо за лезвие, что было обёрнуто кожаной лентой. В правой же был флакон из чёрного стекла, внутри которого плескалась прозрачная жидкость.

Единственными зрителями, удостоившимися чести наблюдать за этой битвой, были лишь солдаты Аравада с ним самим во главе. Все они выстроились на окраине пустыни возле высоких гор Сарпал. Большинство наблюдателей было не в самой лучшей форме. Часть из них с трудом удерживалась на ногах, преодолевая боль и зуд в стопах, другие же постоянно переминались с ноги на ногу, пытаясь облегчить жжение в паху и не поддаваясь соблазну расчесать всё рукой, содрав верхний слой кожи.

Вскоре дуэлянты встали в десяти метрах друг напротив друга посреди пути между огромной пятитысячной армией и двумя высокими жёлтыми башнями.

Дейан откупорил флакон большим пальцем и закинул его содержимое себе в рот, продолжая глядеть на своего врага. Он знал, что великий царь не упустит возможности смухлевать, поэтому, завидев издали деревянный посох в руках оппонента, стал заранее продумывать план действий.

Ном Дор продолжал улыбаться, снимая свой капюшон. Он приподнял своё оружие вверх, показывая свою готовность. Дейан отбросил пустой флакон в сторону и освободил саблю с чародейскими рунами на клинке от прикрывавшей его ленты.

Очередной вой горнов раздался у врат Дарсиды. Ему вторили пять тысяч воинов, чьи возгласы вместе со звуками боевых инструментов отскакивали от гор и эхом проносились обратно в сторону бескрайних песков.

Ном Дор произнёс слабое заклинание, и воздуха вокруг Дейана вдруг резко стало меньше. Мазар обещал царю представление, и он хотел его преподнести, надеясь слегка удушить своего противника. Но тот, к большому удивлению, продолжал стоять на месте как ни в чём не бывало.

Чародей сощурился, а затем попытался расширить воздух в лёгких странника. Но у него ничего не вышло. Ном Дор понял, что мужчина обладает защитой от таких лёгких чар, и ему это не понравилось. В порыве недовольства от того, что враг не предоставит возможности поиздеваться над собой, мазар отбросил все свои простые уловки.

Дейан в этот момент скинул плащ и медленно пошёл в сторону мага, провернув саблю в руке. Ном Дор произнёс очередное заклинание, и тело противника поднялось в воздух. Его ноги сомкнулись, а руки вытянулись в стороны. Он словно был прибит к невидимому распятью. Чародей удерживал воздух вокруг конечностей противника настолько плотно, что тот не мог пошевелиться. Костлявая рука мага поднялась вперёд, ладонью вверх, а затем его пальцы сжались, после чего Дейан медленно пролетел в воздухе, пока не оказался перед лицом колдуна.

— Я хотел, чтобы о нашем поединке сложили легенду, — злобно выговорил Ном Дор, доставая левой рукой нож с пояса, — Но придётся сделать всё менее...

В этот момент Дейан выпустил изо рта струю жидкости прямо в лицо чародея. Поначалу тот лишь пытался вытереть её тыльной стороной ладони с зажатым в ней ножом, но вскоре

почувствовал, как кожу на лице начало нестерпимо жечь. Он начал терять контроль над своей магией, отчего правая рука Дейана пришла в движение, чтобы совершить один единственный удар, но Ном Дор увидел это и в панике оттолкнул от себя весь воздух вокруг. Послышался громкий хлопок. Взрывная волна откинула Дейана гораздо дальше того места, где он скинул свой плащ. Странник сделал оборот в воздухе и приземлился на согнутые ноги, продолжая скользить по песку. Он воткнул саблю в землю, оставив длинную борозду, когда смог остановиться, а затем, услышав душераздирающий вопль мага, рванул вперёд.

Веки Ном Дора уже полностью разъело, и теперь жидкость взялась за его глазные яблоки, попутно расщепляя нервные окончания в глазницах. Он пытался вытереть остатки кислоты, бросив маленький клинок на землю и сдирая кусочки кожи с лица, а затем перевёл руку на навершие посоха.

— Суфай алгири.

Скрученные корни на верхушке начали расползаться в стороны, и два последних из них словно извилистые веки обнажили большой карий глаз, который принялся вертеться по сторонам, изучая обстановку вокруг. Он успел заметить приближение опасности, и Ном Дор снова вытянул руку в сторону врага.

— Шарум пай сангхди! — выкрикнул мазар.

Дейан вскинул левую руку, прикрывшись щитком с четырьмя металлическими стержнями, правым же кулаком упёрся о левое запястье, надеясь сдержать удар. Из ладони Ном Дора вылетела молния. Она достигла цели и вонзилась прямо в щиток. От удара Дейана отбросило назад, но на этот раз странник не смог сгруппироваться и кубарем пронёсся по песчаной поверхности земли.

Верхнюю губу мага прожгло настолько, что через неё начали виднеться его кривые зубы. Ном Дор черпнул песка и принялся сыпать его себе на лицо, задрав голову. Он пытался произнести ещё одно заклинание, но не мог правильно выговорить слова. Пока Дейан поднимался на ноги под взглядом расширившегося от удивления и недовольства глаза в посохе, мазар сосредоточился, заставляя острый и шершавый песок впитать всю влагу, а под конец заставил образовавшуюся жижу затвердеть. На его лице сформировалась глиняная маска, остановившая действие реагировавшей на магию кислоты. Но теперь он потерял способность говорить, что существенно ограничивало его магический арсенал, исключив любое применение особо мощных заклинаний. Он мог попробовать наколдовать хотя бы одно, но без голосового проводника это заняло бы слишком много времени.

Дейан уже поднялся на ноги, разглядывая дымящиеся стержни на своём предплечье. Маленькие прутья впитали магическую энергию, раскалившись добела. Рука странника получила сильный ушиб и, возможно, была сломана, но он всё же смог воплотить свою задумку в реальность.

Передышка окончена. Дейан снова устремился к врагу.

Ном Дор взялся за посох двумя руками и с силой воткнул его в землю. Используя своё оружие как посредника, он начал переправлять свою силу, чтобы превратить землю на пути к себе в зыбучий песок. Стопы Дейана с каждым шагом погружались всё глубже. Он вскинул левую руку и нажал другой на маленький рычаг спускового механизма, выстрелив в противника заострённым стержнем.

Карий глаз в посохе дёрнулся, глядя на летящий снаряд, а затем Ном Дор вытащил из земли

оружие и резко взмахнул им. Плотный порыв воздуха в последний момент отвёл металлическую иглу в сторону.

Солдаты не сразу заметили, что в них что-то летит. Первые две шеренги были так заворожены битвой, что даже не обратили внимание на въедливый свист над головой. Стержень пролетел за них, ударившись в доспех одного из солдат в дальнем ряду. Яркая вспышка, резкий грохот, и трое бойцов Аравада упали на землю, поднимая в воздух столбы дыма. Двое из них испустили дух на месте, навсегда избавившись от дискомфорта в стопах и паху. Третий же продолжал прерывисто хватать воздух ртом, пытаясь подчинить своей воле поражённые лёгкие. Припавшие к нему два соратника пытались помочь бедолаге, и ещё трое констатировали смерть павших. В это время остальные воины продолжали глядеть в сторону битвы, что только начала набирать обороты.

Дейан бежал к своему врагу, готовясь совершить резкий удар саблей. Когда он казался достаточно близко, маг юркнул вниз и очень быстро проскользнул по песку, избежав смерти и оказавшись метрах в восьми от блестящего на солнце клинка и его владельца. Ном Дор скомбинировал чары земли и воздуха, благодаря чему сумел с огромной скоростью совершить рывок, используя затвердевший песок под собой как санки и уменьшив плотность воздуха впереди, сзади же подогнав себя порывом ветра.

Дейан тут же изменил направление и продолжил бежать к цели, но мазар послал в его сторону шквальный ветер, что серьёзно замедлил странника.

Параллельно с этим Ном Дор принялся творить ещё одно заклинание. Его лицо, скрытое под затвердевшей маской, не могло передать эмоций, но трясущиеся тонкие пальцы, покрытые волдырями, подсказывали, что он изрядно напрягся в этот момент.

Странник продирался сквозь воздушный поток, наклонив тело вперёд, как вдруг справа на него понёсся небольшой смерч, вбивавший в себя с земли тысячи песчинок. Дейан не успел уклониться, и его захватил в ловушку магический вихрь, что принялся раскручивать своего заложника.

То, как складывался поединок явно не пришлось по душе великому царю. Он подозвал своего генерала к себе одним лишь жестом и, не поворачивая головы, тихо спросил:

— Как ты говорил, называют этого пса?

— Ашгар, мой Царь.

— И на что он, по-твоему, способен?

— Раз он защищал крепость Кайведуна от...

— Я спросил не об этом, — перебил Аравад старого воина. — Ты думаешь, что он одолеет Ном Дора?

Абу Манзи уставился на кружащуюся над землёй тёмную фигуру, подхваченную чародейским смерчем, а затем глянул на покалеченного мага и произнёс:

— Если у хитрого мазара и был шанс справиться с ним, то он его уже упустил.

Аравад помрачнел. Он не собирался сегодня пройти через ворота Дарсиды, только ради того, чтобы удостоиться приветствия местных жителей. Солдаты жаждали трофеев и утех, а хажы

надеялись урвать по кусочку славного торгового города. Они не знали о сделке, которую предложил их царь единственному защитнику врат, считая, что сие представление лишь должно было заменить массовое кровопролитие.

Смерч ослабил хватку и высвободил Дейана из своих лап. Странника подкинуло высоко в воздух, пока он продолжал раскручиваться вокруг себя. Ном Дор же ещё одним заклинанием поднял из песка десятки острых каменных шипов почти в метр высотой. Прямо в том месте, куда должен был опуститься его противник.

Дейан выхватил кинжал и уже оказавшись у самых кончиков острых кольев вонзил в один из них свою саблю, перенеся на неё весь вес своего тела. Второе оружие помогало замедлить кручение, врезаясь и отламывая острия других шипов. Это остановило падение, и сейчас странник каким-то чудесным образом удерживал себя над круглым колючим полем, стоя на клинках и балансируя ногами. Он избежал смерти, отделавшись лишь несколькими порезами на руках, но Ном Дор не стал терять время попусту и послал во врага с неба очередной порыв ветра вертикально вниз, намереваясь захлопнуть ловушку. Дейан словно уличный акробат прокрутил ногами в воздухе, собирая нужную для прыжка энергию, а затем, перекутившись, отпрыгнул в сторону за пределы шипастой западни.

Плотный воздух ударился о смертоносные колья, а затем разошёлся между ними, одарив странника лёгким бризом. Дейан поднял левую руку и произвёл ещё один выстрел, но единственное око Ном Дора было начеку, и маг снова отразил снаряд, послав его в сторону песков. Острый стержень ударился о податливую поверхность дюны, но никакого взрыва не последовало.

Дейан уловил этот момент, сообразив, что высвободить магическую молнию можно было лишь при помощи заклинания или сильного удара. Он снова бросился на врага, надеясь измотать, а затем и прикончить мага, но тот лишь пронёсся по песку в сторону, увеличив дистанцию и давая себе время наколдовать защиту.

Очередной концентрированный порыв ветра прервал стремительное движение странника. Он уже видел приближение смерча, шатко гуляющего по песчаной поверхности земли. Дейан готовился уклониться от волшебного вихря, но в вытянутой руке Ном Дора в этот момент оттопырились два пальца, после чего смерч раздвоился. Размеры обоих были вдвое меньше предыдущего, но и их силы хватило бы, чтобы захватить и поднять вверх любого человека.

Сражение стало походить на неуклюжий танец перебравшего медовухи забулдыги. Дейан отскакивал от летящих на него смерчей, то сопротивляясь, то, наоборот, поддаваясь порыву защитного ветра мазара.

Ном Дор не мог поддерживать два заклинания одновременно достаточно долго. Вскоре он ослабил защиту, сосредоточившись на атаке, и его противник мгновенно отреагировал на это. Отскочив от быстро летевшего смерча в сторону и сделав перекат, он вытащил один из всё ещё горячих стрижней из крепления, подкинул в воздух и рубанул по нему саблей. Звук удара металла о металл был гораздо громче, чем можно было ожидать, и был похож, скорее, на выстрел из пушки.

Две половинки стержня упали на песок, а руны на сабле загорелись красноватым светом. Дейан снова увернулся от смерча и, оценив расположение врага, кинулся к нему.

Справа Ном Дору преграждало путь поле из острых шипов. Отскочить назад он не мог, ибо для этого пришлось бы надолго прервать зрительный контакт с магическими вихрями, а это,

скорее всего, сделало бы их нестабильными. Он мог совершить рывок только по диагонали влево, и именно туда Дейан намеревался ударить, сократив расстояние.

Ном Дор также понимал всю шаткость своей позиции, и поэтому решил совершить рывок гораздо раньше. Он снова присел, выставив посох перед собой, и заскользил по песку. Дейан был слишком далеко, чтобы ударить. Вместо этого он кинул в мага свою саблю на упреждение. Лезвие ударилась о древко посоха с таким звуком, с каким молния бьёт в дерево. Ном Дор отлетел назад на полтора десятка метров, также далеко откинуло и зачарованное оружие странника.

Без магической подпитки от создателя вихри растворились в воздухе. Дейан же бегом вернулся за своей саблей, а затем снова ринулся к магу. Тот уже поднялся на ноги, удерживая треснувший вдоль основания посох. Глаз на навершии продолжал крутиться, изучая изменившуюся обстановку, но теперь был покрыт паутиной трещин, расходившихся по всей роговице. Магический посох хоть и был повреждён, но впитал большую часть энергии удара в себя, а излишков заряда молнии хватило, чтобы встряхнуть самого мазара. Об этом говорила почерневшая кисть, удерживавшая древко.

Дейан быстро приближался к контуженному чародею и уже подкинул последний стержень вперёд и вверх, но Ном Дор неожиданно выплеснул саккумулированную энергию, создав ещё один взрыв, что откинул странника назад почти на два десятка метров. Стержень же улетел гораздо дальше, скрывшись где-то в песке перед воротами Дарсиды.

Мазар принялся чертить на земле чудные иероглифы, а Дейан, поднявшись на ноги, устремил свой взор на противника. Внезапно руки чародея взмыли в воздух вместе с посохом, после чего в спину странника ударил чудовищно сильный ветер. Он потянул его вперёд прямо по песку, увеличивая напор, а через мгновение из земли, на том самом месте, где маг нанёс символы, выросла широкая стена высотой почти в три метра, состоящая из острых каменных шипов, направленных в сторону странника.

Дейан припал к земле, стараясь замедлить скорость, но было уже поздно. Его неумолимо несло навстречу смертельной опасности. Приняв единственно правильное решение, он встал на четвереньки и с силой оттолкнулся вверх всеми конечностями. И этого прыжка хватило, чтобы перелететь через острую преграду.

Проносясь над измотанным мазаром, странник сорвал с пояса припасённый мешочек и кинул его под ноги Ном Дора.

— Дорсэй журду феравахт, — донёсся до мага крик с небес.

Когда мешочек ударился о сапог Ном Дора, то его тут же разорвало. На его месте осталась квадратная тёмно-синяя коробочка с белыми символами, верхняя сторона которого разошлась в стороны.

Дейан ещё не коснулся земли как под ногами чародея прогремел невероятный по своей силе рык. Его звучание ударило по ушам всех воинов, собравшихся под знамёнами Аравада, и даже в самой Дарсиде затряслись стены домов. Серая мантия Ном Дора пошла рябью от сильных вибраций. Его посох окончательно треснул, а щепки, разлетевшиеся в стороны, подрагивая зависли в воздухе, пока отверстие в коробке не сомкнулось. Это длилось всего пару секунд, но и их хватило, чтобы поверженный чародей беспомощно упал на колени, бросив своё оружие и схватившись за голову с обеих сторон.

Когда рык отразился от гор и волной вернулся обратно, Дейан уже стоял на земле между

могучей пятитысячной армией и самым сильным мазаром Аравада.

Странник медленно зашагал к своему противнику. Самоуверенный и коварный Ном Дор Шаахзи, сгорбившись, сидел на песке лицом к неприступным вратам Дарсиды. По его шее и предплечьям стекала кровь, что прорывалась сквозь прислонённые к ушам ладони. Глиняная маска на лице растрескалась и опала, обнажив изъеденное до кости лицо, а рядом на песчаной глади виднелись две половинки длинного посоха. Из расколотого карего глаза на навершии вниз стекали вязкие капли золотистой смолы.

Ном Дор ещё дышал, когда Дейан подошёл к нему сзади. Закруглённый клинок вонзился мазару в спину, пронзая сердце, но вместо хриплого предсмертного крика, тот сделал невероятно глубокий вдох. Воздух так и не покинул его лёгких, даже когда сабля вышла из раны, а тело упало на песок.

Перед вратами стало так тихо, что люди смогли услышать биение собственных сердец. Несколько мгновений спустя в уши солдат стал вторгаться противный звон. Непривычный шум начал разъедать сознание. Так было до тех пор, пока в округе не прогремел громкий голос Аравада.

— Дарсида нарушила соглашение! — обратился великий царь к своей армии. — Они наплевали на уговор о сохранении жизни воину, если тот попросит пощады!

Недоумевающий Абу Манзи уставился на своего владыку.

— Также и мы не будем жалеть тех, кто не держит своё слово!

Солдаты принялись переглядываться друг с другом, недоумевая от услышанного. Аравад же надел свой шлем с длинными острыми ушами и повернулся к генералу, одарив того своим чрезвычайно мрачным и злобным видом.

— Бери батальон и отправляйся в город. Тело этого Ашгара можете растоптать или разорвать. Мне всё равно.

— Но... — попытался воспротивиться Манзи, но, встретив гневный взгляд царя, проглотил свои слова. Вместо этого генерал отдал приказ, и запоздалые горны протрубили о наступлении.

Около двух сотен человек выдвинулись вперёд, выставив перед собой копья и мечи и потряхивая головами, чтобы избавиться от назойливого звона в ушах. Не пройдя и сорока шагов, они стали замедлять ход, всматриваясь налево. Генерал заметивший странное поведение подчинённых, последовал взглядом за ними.

В сторону поля боя с запада неслась огромная пятидесятиметровая песчаная стена — предсмертный подарок поверженного Ном Дора.

Обозлённый Аравад в бешенстве выкрикнул, нагоняя своих подданных:

— Убейте этого пса! Пусть буря заберёт его тело как жертву и смилостивится над нами.

Батальон продолжил движение, выполняя команду. Они встали перед единственным защитником Дарсиды, ожидая кто первым из воинов осмелится нанести удар. Дейан поднял с земли чёрную коробочку и свой плащ, что был принесён последним чародейским порывом ветра, сотворённым Ном Дором, а затем глянул поверх солдатских голов, прямо на блистающую в лучах пока ещё яркого солнца фигуру Аравада, окружённую троицей

охранников.

Солдаты нервно посматривали на стремительно приближающуюся бурю, а потом несколько человек вышли вперёд, направив наконечники копий на единственного своего врага. Самый отчаянный из солдат рванул на странника с копьём наперевес, но тот лишь отвёл наконечник в землю, поддев древко стопой и выбив его из рук владельца.

Бедняга разинул рот и принялся пятиться. Его примеру последовали все остальные, продолжая посматривать на непроницаемую тёмную завесу, что пожирала всё на своём пути.

Спустя несколько секунд весь батальон рванул назад, пытаясь добраться до своих вещей и хоть как-то укрыться от беспощадной стихии. Дейан же, намотав вокруг головы ремни, что раньше защищали его клинок, поднял с земли копье и понёсся навстречу самому опасному пустынному бедствию.

Аравад кричал и осыпал проклятиями сбежавших солдат. В порыве ярости он вытащил свой меч и принялся размахивать им, грозя казнью всему батальону, как того и заслуживали любые дезертиры. Извергая бранные слова, он заметил фигуру в чёрном плаще, что неслась прямо на исполинскую стену из песка. Зрелище, которое заворожило его и на мгновение повергло в шок.

Абу Манзи стоял подле царя, испытывая точно такие же чувства от представшей перед ним картины. Трое королевских стражей выстроились вокруг них в треугольник, ударив посохами о землю. Спустя секунду они создали непрístupную полусферу из слабо мерцающего защитного поля, укрыв в ней царя с генералом и самих себя. А мгновением позже сияющий купол поглотила стихия.

— Этот пёс... Он безумен, — негромко вымолвил Аравад, глядя на сверкающую тысячами маленьких взрывов магическую плёнку вокруг них.

Тем временем на западе в сотне метров от королевского купола под порывами беспощадного ветра и песка к земле припал Дейан. Он проткнул подол своего плаща копьём, намотав немного ткани на древко. Дождавшись очередного удара бури в нужном ему направлении, он вытянул левую руку в сторону, расправив край плаща и, словно на чёрном парусе, унёсся вперёд, отпрыгивая от земли и набирая необходимое ускорение.

— Ном Дор оказался никчём. Даже его магии не хватило, чтобы справиться с этим Ашгаром, — причитал Аравад.

— Мой Царь, если легенды не врут, то нам противостоит один из... — начал Манзи.

— Ни один человек не сможет выстоять против целой армии, будь он из легенд или... — в этот момент старый генерал перестал слушать своего владыку, заметив сквозь песчаные порывы ветра приближение чёрного монстра, расправившего свои крылья.

Дейан выставил саблю вперёд, вонзив остриё в блестящую полусферу. Его скорости хватило, чтобы пробить поле и пройти сквозь него, но от удара клинок повело в сторону. Лезвие со скрипом процарапало шлем на макушке царя и срезало одно из острых ушей. Абу Манзи успел отскочить от опасности в последний момент, утянув за собой царя, в то время как монстр пролетел дальше, разрубив одного из стражей пополам. Защита потеряла стабильность и стала пропускать песок. Двое оставшихся телохранителей принялись перенаправлять потоки энергии, закрывая бреши в куполе.

Когда им это удалось, песок какое-то время ещё крутился внутри силового поля, но спустя

время улёгся на землю. Манзи вытирал лицо рукавом, слушая брань своего царя, но смотрел он в направлении двух половинок тела, что уносились ветром вдаль и вскоре скрылись в непроглядной тьме бури.

Укрывшиеся в палатках и под плащами солдаты в ужасе слушали предсмертные крики своих товарищей. И хоть ветер уносил их вопли за собой почти мгновенно, выжившие навсегда запомнили тот страх и трепет, когда посланник дьявола спустился к ним перед воротами Дарсиды и принялся забирать свою кровавую дань. Особо везучие даже смогли разглядеть его в беспощадных порывах ветра. Они на всю жизнь запомнили чудовищную чёрную фигуру с крыльями, что пронеслась над головами людей, спускаясь за избранныками судьбы, чтобы забрать их с собой в преисподнюю.

Когда буря утихла, на окраине лагеря из-под песчаного завала торчала голова одного из павших солдат. Когда его раскопали, то увидели копьё, пронзившее грудь бедолаги до самой земли, отчего тот остался стоять на коленях, вознеся голову к небесам. Словно просил Всевышнего о пощаде, но получил в ответ однозначный отказ.

Аравад разлёгся на кушетке у себя в шатре, подкидывая в руке круглый плод контри, похожий на гибрид спелого красного яблока и вишни. Он ожидал прибытия Абу Манзи с отчётом о состоянии войск после недавно прошедшей песчаной бури. Внутри его укрытия не было и намёка на недавнее стихийное бедствие, благодаря особым магическим чарам его охраны, что перед поединком наложила их на роскошный королевский шатёр.

Услышав слова стража снаружи о том, что явился генерал, Аравад присел, расправив искусно сшитый красный кафтан, и велел пропустить старого воина.

— Мой Царь, — встав перед владыкой, начал Манзи, — Почти сотня людей не смогла пережить бурю, и почти половина всего войска пытается оправиться от хвори, что распространилась по лагерю ночью.

— Хм. Целая сотня не справилась с лёгким пустынным ветерком. Как будто наши солдаты выросли не на просторах дюн и впервые столкнулись с таким ненастьем.

Манзи потупил взор.

— Их погубила отнюдь не буря, — Аравад вскинул брови, откусывая кусочек контри, — Это сделал Ашгар.

Брызги сока разлетелись в стороны, когда челюсть Аравада с силой сжалась на румяной поверхности фрукта. Царь грозно уставился на маленький столик, на поверхности которого лежал его испорченный одноухий шлем. Затем он встал и принялся расхаживать по шатру, громко пережёвывая сладкий фрукт.

— Сколько времени нужно, чтобы подготовить армию к наступлению?

— Мой Царь, — колеблясь, отозвался генерал, — Запасы воды на исходе. Люди скоро начнут изнывать от жажды, но быстрее всего их подкосит эта зараза. Если не промывать больные места и не оказать должную помощь...

Аравад прервал его, остановившись на месте и развернувшись к генералу:

— Ты хочешь сказать, что мы должны ещё одну ночь провести здесь? — воскликнул царь. — И оставить этого пса в покое, пока он потешается над тем, как великий Царь Санкри-Борум второй день не может справиться с одним... — он подошёл к Манзи повысив и без того громкий голос, — Одним единственным человеком, что вышел защищать этот проклятый город!

Манзи не отвёл взгляд и лишь сухо ответил на претензию:

— Если мы отправим солдат туда в таком состоянии, то вместо обещанных даров они будут ходить по домам и выпрашивать помощи у жителей, надеясь дожить до следующего утра.

Аравад злобно рыкнул и вернулся к протаптыванию дорожки вдоль одной из стен шатра.

— Задействуй всех лекарей и мазаров, что могут врачевать. Пусть эту хворь истребят, выжгут, высосут из людей. Мне плевать! Завтра моя армия должна быть готова к наступлению. И не важно, кто первым пройдёт сквозь ворота. Главное, чтобы этот выродец познал весь гнев могучего Царя Аравада.

Абу Манзи не собирался перечить и лишь задал последний вопрос:

— Вернуть ли уцелевших мазаров из-за дюны?

— Уцелевших? — резко вскинулся Аравад.

— Да, мой Царь, я уже говорил во время бури, что половина чародеев выжила после неудачной попытки проклясть Ашгара. Они ждут дальнейших указаний.

Выражение лица обеспокоенного владыки сменилось на надменное.

— Ты видел, что случилось с Ном Дором? Думаешь, что он пожалел тех мазаров, что осмелились наслать на него свои чары? Тем более, что он напал на меня именно с той стороны. Боюсь, что его месть настигла уцелевших чародеев, как и ту сотню несчастных солдат.

Абу Манзи задумался над словами царя, а тот продолжил, отсылая генерала выполнять приказание:

— Ступай, и передай мою волю хажам и офицерам. Пусть восстанавливают силы, а завтра мы наконец войдём в Дарсиду и отметим это роскошным пиром.

Старый воин поклонился и выбрался из шатра. Аравад отправился в свою спальню, распластавшись на мягкой перине и прикрыв глаза. Пару мгновений спустя украшенные драгоценностями и рисунками руки освободили его ноги от роскошных кожаных сапог с причудливым цветным орнаментом. Затем они потянулись к его груди, медленно проводя по ногам и животу и принялись расстёгивать кафтан.

Аравад схватил руками запястья своей наложницы, когда та закончила с самыми нижними пуговицами. Теми, что были на уровне его чресел. Он открыл глаза и приподнял голову, рассматривая чудесную женщину, что сидела на коленях у него между ног.

— Моя ненаглядная Иммаренна, ты всегда готова выслушать меня и утешить в трудную минуту.

Аравад потянул её на себя, так что женщина нависла над ним, и их лица теперь были друг напротив друга.

— Я всегда готова помочь моему владыке. И в ненастную погоду, и в чудесный солнечный день, и даже в такой непростой вечер.

Иммаренна уселась на живот царя, высвободив свои руки и положив их на голову мужчине. А затем принялась нежно массировать её, взъерошивая волосы.

Аравад сначала обхватил ладонями наложницу за оголённую талию, наслаждаясь теплом и мягкостью её кожи, а затем снова схватил за запястья, убирая её руки от своей головы.

— И это чистая правда. Но сегодня мне потребуется от тебя нечто большее, чем нежные ласки и слова утешения.

Глаза женщины сузились, а бывшая улыбка превратилась в ровную полосу слегка поджатых губ.

Она внимательно слушала Аравада, пока тот не закончил говорить, а после этого покорно наклонила голову вперёд, продолжив делать своему господину расслабляющий массаж.

Абу Манзи приблизился к потрёпанному и местами порванному шатру Каралла, что был намного меньше королевского и имел не такой красочный вид даже в целом состоянии.

Двоюродный брат царя помогал своим солдатам промывать и перевязывать воспалённые ноги, отбросив в сторону все предубеждения благородных хажей. Завидев генерала, он передал бурдюк с водой ближайшему солдату, указав на синюшную ногу малита, которую сам только что омывал, и пошёл на встречу с Манзи.

— Аравад отдал приказ всем лекарям и мазарам вылечить или хотя бы предотвратить распространение болезни. За ночь нужно выходить солдат, а утром мы войдём в Дарсиду, и там уже избавимся от неё раз и навсегда.

Каралл направил руку к паху, намереваясь почесать срамное место, но спохватился в последний момент, и вместо этого подхватил генерала под руку, уводя подальше от случайных слушателей.

— Абу, разве ты не видишь, что происходит? — старый вояка непонимающе уставился на хажу. — Второй день мы стоим возле врат и ещё ни один человек не прошёл внутрь. Всевышний... — Каралл обернулся по сторонам, убеждаясь, что их никто не подслушивает, — Всевышний на стороне Дарсиды. И он явно не хочет, чтобы мы продолжали наступление. Сначала этот бродяга у врат, потом этот бессмысленный поединок и смерть Ном Дора, и теперь эта буря. А что будет завтра?

— Завтра мы войдём в город, — сухо ответил Манзи, — И нам уже ничто не помешает. Разве что земля разверзнется и поглотит всех нас, не дав добраться до врат.

Мимолётный испуг отразился во взгляде Каралла, но он тут же скрыл его, отведя глаза в сторону.

— Ты так предан Араваду...

— Я предан своему народу, — с гордостью заявил генерал, а затем добавил уже более сдержанным тоном: — И Царю, что его возглавляет. Те, кто отказался служить своей стране, сверкают костями на виселицах в столице и кормят падальщиков.

Абу Манзи опередил хажу, недвусмысленно указав на своё оружие, и на то, что будет при продолжении этого разговора. Он выждал какое-то время, пока эмоции не уляглись, а потом добавил:

— Найдите лекаря, пусть поможет больным.

— Их слишком мало, чтобы обойти всё войско. А наши лекари погибли во время бури.

Манзи вскочил на своего мали, бросив Караллу напоследок:

— Я приведу пару мазаров на подмогу.

Старый генерал поскакал к окраине лагеря, что сейчас превратился в огромный лазарет. Он надеялся застать за вершиной высокой песчаной дюны Малова, что успел укрыться от бури вместе с выжившими мазарами. Слова царя о мести Ашгара его не убедили, хотя в душе он ощущал, что что-то было не так.

Когда генерал оказался на месте, то увидел засыпанную песком низину без малейших признаков жизни. Малов был опытным воином и верным солдатом. Он не посмел бы ослушаться приказа, а даже если бы и сделал это, то непременно доложил о проступке Манзи. Предположение Аравада, по всей видимости, подтвердилось.

Генерал спустился с мали и принялся ногой разбрасывать песок, надеясь наткнуться на погребённые под ним тела. Вскоре под песчаной поверхностью промелькнула лиловая накидка. Манзи подкопал вокруг, заметив тюрбан такого же цвета. Он перевернул тело прорицателя и увидел огромную резаную и уже подсохшую рану на груди молодого парня. Старый вояка встал на ноги, намереваясь отправить сюда солдат, чтобы отыскать все тела павших и с почестями проводить их в мир иной. Но ему захотелось перед этим лично убедиться в смерти товарища, поэтому он принялся дальше раскапывать стихийное захоронение.

Вскоре он отыскал тело старого вугула, а недалеко от него и Малова, потерявшего свой красный тюрбан.

Верный друг и старый соратник даже не успел вытащить своё оружие, как оказался с перерезанным горлом. Абу Манзи и сам видел, насколько стремителен был легендарный мессари с севера. У Малова не было и шанса устоять, тем более во время песчаной бури.

Старый генерал стоял на коленях перед телом товарища, мысленно обращаясь ко Всевышнему, чтобы тот принял душу павшего воина в своё царство и не корил за то, что он выполнял богохульные приказы своего царя.

Когда он снова опустил взгляд на тело бойца, то его внимание привлекло странное тёмное пятно, проступавшее сквозь дырявую синюю рубашку однорукого шамана. Он подвинулся ближе к вугулу и пристальнее рассмотрел колотую рану в спине старика. Кровь, застывшая вместе с песком, мешала разобрать узор странных разводов, поэтому он протёр рану ребром ладони.

Манзи всю свою жизнь был воином и без особых усилий распознал проникающее ранение от наконечника стрелы. Но тогда вугул не мог быть убит во время бури. Ни одному лучнику не удалось бы поразить цель при такой видимости и таком ветре, будь он даже мазаром. А если и так, у Ашгара не было при себе лука во время поединка с Ном Дором. Это говорило о том, что однорукий шаман погиб до прихода бури.

Абу Манзи принялся переворачивать тело в поисках других ранений, но тот почерневший след на спине оказался единственным. Разошедшиеся под кожей чёрные жилки напомнили старому воину о временах, когда великий царь Шадэр ещё не изгнал со своих земель коварных и алчных хашиидов. Абу Манзи не раз видел их жертв, что настигла страшная участь, быть отравленными клинком, смазанным сильнодействующим ядом. Одни лишь члены касты убийц знали из чего готовился тот яд, поэтому выжить после отравления не удавалось почти никому.

И из всех тех, кто собрался здесь перед воротами Дарсиды, лишь одному человеку было выгодно избавиться от мазаров, не справившихся со своей подлой задачей. И только он мог послать на их устранение давно изгнанных с юга убийц.

<http://tl.rulate.ru/book/70118/1877427>